ЛЕВЪ МОНОСЗОНЪ

ЭТИ ДНИ

ЛЕВЪ МОНОСЗОНЪ.

ЭТИ ДНИ.

Стихи о мятежѣ.

МОСКВА.
1917.

Книга отпечатана въ типографіи
„Автомобилистъ"
въ ноябрѣ тысяча девятьсотъ
семнадцатаго года
въ количествѣ
двухсотъ нумерованныхъ
~~экземпляровъ~~ и
двадцати именныхъ экземпляровъ.

ЭКЗЕМПЛЯРЪ №28

Въ желтоватый,
по краямъ замусоленный свитокъ
все, что будетъ, вписываетъ дѣдикъ старенькій.
Въ ушахъ у дѣдика вата,
сгорбился — все надъ свиткомъ сидитъ онъ
при тускломъ свѣтѣ фонарика.
Пишетъ перышкомъ гусинымъ
о самомъ страшномъ — войнѣ и смерти,
о самомъ нѣжномъ — тоскѣ по любви,
о самомъ зломъ и змѣиномъ —
ревности, всыпающей ядъ въ глубь винъ.
Ахъ, все что онъ пишетъ — измѣрить-ли?
И каждый разъ
какъ дѣдику писать о революціи
гусиное перышко дрогнетъ.
Дѣдикъ забудетъ, какъ писать онъ гораздъ,
дѣдикъ волнуется,
шевелитъ усами сумрачно и строго.
И на свиткѣ длинномъ-длинномъ
чернѣетъ круглая клякса.
Дѣдикъ съ перышкомъ гусинымъ
знаютъ, чего въ этомь мірѣ надо бояться.

От̣ вашей бойни
сердце мое, какъ церковь, гдѣ на клиросѣ
торжественно и скорбно
крылья „вѣчной памяти“ выросли,
и мнѣ больно,
какъ молящейся старушкѣ съ горбомъ.
Вѣдь, не повѣрите:
когда война, совсѣмъ обезумѣвшая,
подъ пулями мечется и мечется,
въ пыли полей кровь и слезу мѣшая;
когда жестокій гребень смерти,
какъ у какой-нибудь высохшей буфетчицы,
съ головы Вселенной
цѣлыя пряди людей выдралъ,—
вы
во имя какой-то свободы, будто бы плѣнной,
какъ хищная, двуликая выдра
подкрались къ берегамъ Невы.
Взмутили темный и голодный людъ
словами лживыхъ обѣщаній.
Дрессированные клоуны,
жонглеры на канатахъ идей и увѣщаній,
вы знали, что тутъ навѣрное клюнетъ,
потянетъ людъ за вами — въ мутные уклоны.

И скоро городъ сонно-сѣрый,
урчащій зловѣще и злобно,
вскипѣлъ, *закричалъ и растопался*,
какъ чиновничекъ, выпившій мадеры,
и на прорѣхахъ площадей, издревле лобныхъ,
гудящими толпами заштопался.
И внезапно,
какъ въ сказкахъ моряка-Синдбаба,
отовсюду высунулись занозы и занозенки —
съ юга и сѣвера, съ востока и запада —
и городъ окоченѣлъ, какъ рязанская баба,
на аэропланъ вылупившая зенки.
И въ унисонъ войнѣ озвѣрѣвшихъ народовъ
кровь хлынула потокомъ изъ занозъ.
На баррикады! На груды изъ бочекъ!
Не забудьте позорные роды:
Россіи мертворожденная дочка
схватила Россію за носъ.
И острый запахъ крови и пороха
опрянилъ застывшую челядь.
Россія зардѣлась кровавымъ разгуломъ,
Стенькинымъ посвистомъ вспорота,
раззудилась, оретъ, трупомъ отъ крови раздуло,
вся Россія — жующее мясо челюсть.

Города
точно матери надъ трупомъ ребенка.
Отчаянно застыли зіяющіе смертью провалы.
Оборванные провода
точно волосы, не чесанные гребенкой.
Всюду кровь, точно сердце болью прорвало.
Стрѣляютъ въ окна, ранятъ дѣвушекъ,
свирѣпо доколачиваютъ раненныхъ.
Пьяные, ревущіе—
разбирать-то гдѣ уже—
на панеляхъ каменныхъ
прикладами черепы плющатъ.

А за баррикадой студенты сгорбились
сумрачно и дѣловито.
Молча падаютъ. Молча умираютъ.
Это ихъ имя вписано въ скорби листъ.
Это ихъ имя славой овито.
Это имъ удалось умереть передъ раемъ.
И смерть ихъ окружила ореоломъ героизма
слово: „товарищъ",
оскверненное вами,
вами, мѣняющими боговъ изъ каприза,
какъ варежки,
вами, преступно играющими преступными словами.

А потомъ, когда успокоилось
и вы взяли верхъ —
ну, и что-же?
оттого, что запертъ въ тюремныя стойла
противникъ, какъ яликъ въ шхерахъ,
уничтоженъ?
оттого, что въ мертвецкихъ трупы горами гніютъ,
и люди въ очереди стоятъ
узнать—не свой-ли—
вамъ легче, у васъ уютъ,
на каждые вонзенные сто ядръ
вы тысячи удобствъ присвоили?

Стыдитесь, люди.
Еще не разучились звѣрѣть
въ вѣкъ Маринетти и ванъ-Гога,
въ вѣкъ Скрябинскихъ обрывчатыхъ прелюдій,
когда человѣчество неловко закинуло ногу
за порогъ какихъ-то страшныхъ дверей.
И если міръ не клиники
для безвольныхъ идіотовъ,
то и не мѣсто
плясать жестокій и длинненькій
плясъ готтентотовъ,

душителей невѣстъ.
Будетъ! Довольно!
Міръ нашъ большаго стоитъ,
чѣмъ быть затопленнымъ кровью.
О, если-бъ дожилъ Левъ Толстой
до дней Россіи вольной,
какая бы боль зажглась подъ сумрачной бровью!

Вотъ они, вотъ они, вотъ они
движутся и движутся
въ черной торжественной ртути,
вязнутъ въ презрительно плюнутой небомъ блевотинѣ,
угрюмые, какъ ижица,
и страшные, какъ ужинъ на редутѣ.
Вотъ они, вотъ они, глядите
сердце выверните въ глаза,
видите — зубы прогнившіе оскалили,
рваныя пулями мяса медлительно
колышатъ — къ землѣ, назадъ,
гдѣ зарыты гудящіе кабели.
Это убитые,
смотрите, смотрите
дьявольскую какую гримасу скорчили,
кровью облитые
пальцы скрючили въ досчатомъ корытѣ,
сощурили глазъ, посинѣлый и порченный.
А на впадинахъ сѣрыхъ щекъ,
покрытыхъ осенней хлябой влагою,
мертвыя тѣни бросаетъ красъ рваныхъ рубахъ.
И еще, и еще, и еще
подъ черными флагами
почернѣвшіе трупы въ черныхъ гробахъ.

А за ними,
поднимая издышаннное парево,
тысяченогая рвань человѣчьихъ ублюдковъ,
безъ лица, безъ имени—
одно бурчащее варево
голодныхъ желудковъ.
Дѣти — въ картузахъ до ушей—
двуногія туберкулезныя палочки,
синекожими разбухшими головами никнутъ,
сгибая цыплячьи шеи.
Грязныя женщины идутъ въ развалочку,
тупыя, какъ монеты изъ никеля,
покачиваютъ животомъ,
который разъ вздутымъ.
Дѣвушки хилыя,
никогда не мечтавшія живо о томъ,
что онѣ — отъ солнца въ саду тѣнь,
а садъ — расцвѣтенный любовью милый.

А дальше
суровыя и сморщенныя лица
штыки, штыки вонзаютъ въ тучи—
охраняютъ кровавыя залежи,
какъ будто каждый боится,

что вздыбится вихрь летучій
и ихъ покойниковъ
и ихъ героевъ
взмететъ на небо изъ гробовъ
Берегитесь! ряды пѣшихъ и конниковъ
станутъ горою
за славу взбунтовавшихся рабовъ.

И снова, и снова
гробы несутъ
десятками, сотнями
и трупы скалятъ зубы на сановный
торжественный Божій судъ:
если жизнь отняли
и залили трупнымъ запахомъ
какъ стекломъ, мѣшающимъ дотронуться,
то какіе суды и чистилища
страшны въ небьихъ лапахъ,
какой испугаетъ на тронѣ царь,
когда каждый слюною смерти вылощенъ?

И снова мертвые,
посинѣлые, изодранные, обгорѣлые,
съ ватой на томъ, что прогнило,

крючатъ пальцы, пулеметами обтертые,
ищутъ страшнымъ глазомъ, что согрѣло-бы
въ жуткомъ холодѣ могилы.

Люди!
Да что-жъ это!
Какъ вы смѣете!
Для васъ жизнь — это блюдо,
которое вы — ничтожества —
разомъ проглотить мѣрите и мѣрите.
Сейчасъ-же,
сію-же минуту
бросайте ваши занятія,
къ чашѣ
тяжестью крови къ землѣ пригнутой
киньтесь всѣ безъ изъятія.
Бросьтесь на землю, кричите,
бейте въ грудь кулаками,
мечитесь по землѣ.
Не надо словъ, не надо похоти рѣчистой,
руками рвите камни,
головой бейтесь въ морозной мглѣ.
Этого не должно быть, не должно быть!
Никогда не позволимъ,

чтобы кто-нибудь смерти попался
подъ ноготь:
каждый воленъ,
вмѣсто жизни топаза
смерти цвѣтную стекляшку
въ галстукъ воткнуть.
Ни капли крови! Ни капли страданій!
Въ новомъ мірѣ никто не пропляшетъ
по трупамъ хилой гнути,
никто не убьетъ подъ пурпурнымъ знаменемъ!

Въ санитарномъ автомобилѣ
Вы сестра.
Тихая. Нѣжная. Лилія,
прямо въ кровь сошедшая съ концертныхъ эстрадъ.
Ѣдемъ по Тверской.
Раненный, слабенькій мальчикъ
блѣднѣетъ съ каждой верстой,
а мостовыя взрыты, какъ въ покинутомъ Галичѣ.
Миленькій, братецъ,
потерпи минутку.
Вонъ машина катится,
слышишь — загудѣли въ дудку.
Пуля чмокнула въ руль.
Я — шофферъ — не дрогну.
Вы — сестра. Могу-ли
Васъ подъ пули кинуть на дорогу?

Мой Городъ
неудержимо-влекущій и гордый
пустъ и мертвъ
подъ стрекотанье сплетницъ-пулеметовъ
и сумрачные буммы
разсѣвшихся, какъ лавочницы, пушекъ.
Ну, хорошо:
ты умный
ты хочешь кушать
ты хочешь міръ стереть въ порошокъ
для прекраснаго новаго міра.
И даже если голова закружится
тутъ я съ тобой.
Но кто помиритъ
съ красной лужицей
съ красной лужицей на мостовой?

ЛЮДИ.

Клики клаки колко колеблютъ
Морозный, издышанный воздухъ.
Хлѣба! Хлѣба! Бей его! Хлѣба!
Чтобъ весь былъ до капельки розданъ!

Крики. Рыки. Рокотъ звѣрѣлья.
Зрачковъ злоголодная зелень.
Руки въ скрючахъ. Шей ожерелья.
Жжетъ горло заржавѣвшимъ зельемъ.

Кровь. Сопятъ. Швырнутъ кулаками
Въ измызганно-желтое небо.
Втопчутъ капли клейкія въ камень.
Зарѣзавъ, замрутъ: это небыль.

ДѢВУШКА.

Вжимаясь въ стѣны, прячась отъ выстрѣловъ,
Блѣдная дѣвушка домъ свой ищетъ.
Темно. Сверкаетъ длинными искрами.
Всердциться тонкая пулька свищетъ.

Убили маму. Мамочку. Старую.
Тихо такъ сѣла на сѣрый камень.
Студентъ съ повязкой санитарною
Выслушалъ сердце. Махнулъ руками.

Въ горящемъ горѣ вскинула голову:
Дома, вѣдь, дѣти — безъ мамы нищія!
Безъ слезъ, съ глазами мертваго олова
Блѣдная дѣвушка домъ свой ищетъ.

Строчки холодныя и длинныя
на холодной ватманской бумагѣ.
„Мнѣ не нуженъ рыцарь,
„оставившій одной любимую,
„когда на улицахъ кошмаръ такъ громаденъ,
„и люди свирѣпѣютъ грызться".
Какъ сказать Вамъ,
моя гордая и нѣжная,
что въ дни этого адскаго
зáтѣва
когда улица въ пулеметномъ огнѣ жила,
и городъ въ ужасѣ Бога схватилъ за лацканы,
моля о минуточкѣ безъ выстрѣла —
въ эти дни мою сѣденькую маму я не оставлю
огню и громиламъ,
и даже если бы толпа Васъ выстроила
себѣ на дикую травлю
въ рядъ со всѣми любимыми міра!

Сегодня,
когда колокола протяжно стонутъ
о столькихъ,
я знаю, что все это неправда,
просто выдумалъ кто-то:
и душу мою, измазанную любовью,
какъ пальцы гимназистика чернилами,
и сердце,
зацѣлованное, какъ Иверская.
Знайте —
сегодня,
когда колокола протяжно стонутъ
о столькихъ,
моя ободранная, публичная душа
выросла въ величество,
и на сердцѣ, вмѣсто пудры,
ихъ кровь.
Я видѣлъ смерть.

Дѣтка, тише. Спи, моя дѣтка.
Это ничего. Это дядя стучитъ молоткомъ.
Гвозди вбиваетъ.
Понимаешь, дѣтка? Гвозди.
Спи, голубка. Вонъ галка на вѣткѣ.
Смѣшная, длинноносая. Заснула на вѣткѣ.
Не плачь, родная. Не плачь, моя радость.
Завтра напою молочкомъ.
Завтра.
Спи, а я возлѣ тебя лягу.

Желтая свѣчка мигаетъ и капаетъ слезками.
По комнатѣ ходитъ, баюкаетъ
мать,
блѣдная и тонкая.
Куда пойти? Какъ пробраться,
когда пули посвистываютъ по переулку.
Долго ли сердцемъ пульку поймать —
кто тогда дѣвочку накормитъ?
Ходитъ, баюкаетъ.
думаетъ, думаетъ.
Рѣшила. Пойду. Будь что будетъ.
Накинула шубку. Вышла. Крадется.
Отъ выступа къ выступу перебѣгаетъ быстро.

Вдругъ замерла. Поблѣднѣла.
Навстрѣчу пьяный солдатъ съ винтовкой.
Эге, голубка,
куда, куда?
Попалась, такъ стой.
Дикій крикъ изъ груди вырвался.
Люди! Люди! Спасите! Спасите!
Никто не услышитъ.
Гдѣ-то выстрѣлы.
Жадное дыханье на лицѣ, на губахъ.
Пусти! Пуссти!
Задыхается. Борется. Дѣвочка. Молочко.
Ахъ, вотъ какъ. Куражишься?
Прикладомъ по виску. Рухнула. Затихла.

Желтая свѣчка мигаетъ и капаетъ слезками.
Дѣвочка плачетъ.
Мама! Гдѣ мамочка!

Тише, дѣтка.
Мама ушла за молочкомъ.

Того-же автора:

„СЕРДЦЕ ПУДРЕННОЕ“.

Книга лирики.

Цѣна въ обложкѣ работы Виталія Вермель . . . . 2 руб.

Любительское изданіе той-же книги:

Сто нумерованныхъ экземпляровъ, на слоновой бумагѣ въ мягкихъ переплетахъ изъ персидской ткани. . . 5 руб.

Складъ изданія
въ магазинѣ „Образованіе“, Кузнецкій мостъ.

ЦѢНА 90 КОП.

Складъ въ магазинѣ „ОБРАЗОВАНІЕ“, Москва,
Кузнецкій мостъ.